

Л.Я. Ахмадуллина

Поступила в редакцию: 07.04.2015

Передана на рецензию: 08.04.2015

Получена рецензия: 20.05.2015

Принята в номер: 25.06.2015

Коранический интертекст в сочинении «Маджмаг аль-адаб» Хибатуллы Салихова*Институт мировой литературы им. М.А. Горького РАН, leysan-1988@mail.ru.*

Статья посвящена вопросу интертекстуальности в восточной литературе. В ней говорится о важности «традиции» и «канона» в эпоху Средневековья и утверждается, что коранический текст проник в литературу уже в первый век распространения ислама. Автор статьи предлагает актуализировать понятие «коранический интертекст» в силу его малоизученности. На материале религиозно-дидактического трактата «Маджмаг аль-адаб» («Сборник благопристойностей») поэта первой половины XIX в. Волго-Уральского региона Хибатуллы Салихова исследуются формы, виды и особенности творческого использования коранического текста в художественном произведении. Поэтическое «переложение» аятов и сур Корана, а также притч из таких популярных произведений Востока, как «Месневи» Дж. Руми, рассматривается автором статьи как один из видов интертекстуальности. Освещаются некоторые актуальные проблемы мусульманского общества XIX в., в попытке решения которых Х. Салихов обращался к тексту Священного Корана.

Ключевые слова: *«Маджмаг аль-адаб», Хибатулла Салихов, коранический интертекст, религиозно-дидактический трактат.*

The article focuses on the issue of intertextuality in Oriental literature. The author writes about the significance of "tradition" and "canon" in the Middle Ages and argues that the Koranic text entered literature as early as in the first century of the spread of Islam. The author proposes that the insufficiently studied concept of "Koranic intertext" should be updated and analyses the forms, types and peculiarities of Koranic text creative use in fiction through the example of religious-didactic treatise "Majma' al-adab" ("Collection of decency") by Khibatulla Salikhov, a poet who lived in the first half of the 19th century in Volga-Ural region. The author views the versification of ayahs and soorahs from the Qur'an as well as of parables from such popular works as "Mesnevi" by Jalalu'l-Din Rumi as one of the types of intertextuality. Some topical issues of the 19th century Muslim community that Kh. Salikhov attempted to solve appealing to the text of the Holy Qur'an are also highlighted.

Keywords: *"Majma' al-adab", Khibatulla Salikhov, religious-didactic treatise, Koranic intertext.*

Введение

Теория интертекстуальности была предложена в европейской постмодернистской литературе еще во II половине 1960-х гг., но она остается вполне актуальной и сегодня. К тому же применима и к восточным традиционалистским текстам, к которым мы, собственно, относим сочинение «Маджмаг аль-адаб» татаро-башкирского поэта Хибатуллы Салихова (1794–1867). Теоретические основы данной концепции, на наш взгляд, находятся на стадии активного развития, поэтому новые исследования и вовлечение все большего материала способствуют их углублению и расширению. Универсальность и гибкость данной концепции позволяют использовать ее результаты во многих сферах культуры, однако эти же качества в некоторой степени делают ее несколько неоднозначной. Поэтому в рамках данного исследования мы вынуждены выбирать наиболее подходящие к нашей точке зрения теоретические обоснования.

Вслед за французским литературоведом Ж. Жанетт под интертекстуальностью мы понимаем «непосредственное присутствие одного художественного текста в другом» [2, с. 76]. Ведь невозможно представить литературное произведение полностью изолированным от других культурных фактов. Так или иначе, в нем в разной форме будут проявляться «чужие» фразы, мысли, образы и т. д. Как отмечено другим французским ученым Пьеге-

Гро Натали: «Интертекстуальность предполагает вековечное подражание и вековечную трансформацию традиции со стороны авторов и произведений, эту традицию подхватывающих» [6, с. 49]. Причем «текст» следует понимать в самом широком смысле этого слова. То есть в общей полемике исследователей относительно определения рамок и сущности прецедентного текста мы остаемся на стороне признания за текстом прецедентных феноменов, которые могут быть представлены в виде прецедентного имени, ситуации, высказывания и, собственно, текста в его узком значении. Реализацию данных феноменов в художественном произведении принято называть *аллюзией, цитатой, переложением, пародией* и т. д.

Коранический интертекст в сочинении «Маджмаг аль-адаб» Хибатуллы Салихова

Воплощение «присутствия» одного текста в другом говорит не только о проявлении интертекстуальности, но и о факте межлитературной связи. Обращение автора одной национальности к инациональной творческой работе (части или целого или отсылка к ней явно или скрыто) образует «диалог» двух культур, о котором говорил М.М. Бахтин. Этот факт важен в силу особенности исследуемого нами материала. В данной статье мы хотим остановиться на «кораническом» интертексте в религиозно-дидактическом трактате поэта XIX века Х. Салихова.

Мифологемы, образы и сюжеты из Священных Писаний, отсылка к знаменитым историческим событиям являются одним из наиболее часто используемых интертекстов в литературах разных народов. Например, в русской литературе множественное и разнообразное присутствие «библейских» прецедентных текстов в современном литературоведении предложено называть «библейским интертекстом» [12]. Полагаем, что актуализация термина «коранический интертекст» будет столь же важна для литератур Волго-Уральского региона, культурные, религиозные, литературные корни которых, несомненно, соединены с мусульманским Востоком, а само явление носит обширный характер.

Известно, что классическая арабская литература в Средние века (в так называемую эпоху традиционалистского сознания), во многом находилась под влиянием стиля, тематики и образности Корана. Привязка своего сочинения к Священному Писанию указывала на образованность, религиозность, авторитетность автора и впоследствии такая «связь» сложилась в традицию. «Уже в первые века распространения новой религии в поэзию проникают исламские этические представления: наряду с традиционными языческими афоризмами звучат мусульманские дидактические речения, встречаются прямые цитаты из Корана» [1, с. 809]. Приведем пример из стихотворения омеядского поэта Ибн Зайдуна (1003–1071), где имеет место следующее цитирование Корана, а именно 117-й аят из суры «Та.Ха.»:

Я вспоминаю: там белели стены –

И вечер днем казался неизменно.

И разве стать там могло такое,

Чтоб «юный жаждал иль страдал от зноя»? [1, с. 542].

Как видим, коранический текст так естественно находится в поэтическом материале, что неподготовленный читатель и не заметит там присутствие «слова Аллаха».

Само собой разумеется, что традиция вовлечения текста Священного Писания в художественное произведение не осталась лишь в рамках арабской литературы. Об особой роли Корана (со всеми подсказанными им образами, сюжетами, стилем повествования и прочим) в развитии литературы мусульманских народов говорили многие востоковеды и литературоведы. Коран, став незыблемым авторитетом во всех сферах жизнедеятельности для татар и башкир, принявших новую религию еще в X веке, также имел большое влияние на их литературу. Исследователь связей татарской литературы с классическими произведениями стран Востока Х.Ю. Миннегулов, указывая на масштабность такого влияния, отмечает: «В произведениях большинства тюрко-татарских писателей, живших от великого представителя общетюрской литературы Юсуфа

Баласагуни и до Тукая, Такташа (вернее, с ними в том числе), в той или иной степени мы видим влияние Корана» [5, с. 32]. О значительной роли Корана говорит и тот факт, что в Волго-Уральском регионе писались комментарии, толкования, а позже делались переводы Корана, а в художественных произведениях Средневековья присутствие коранического интертекста имело явственный характер. Прецедентными феноменами в «кораническом» интертексте могло служить огромное количество культурных фактов, таких как имена пророков, названия сур, сюжеты и мотивы, образы, прямые и косвенные цитирования Корана и т. д.

Анализируемое произведение Х. Салихова «Маджмаг аль-адаб», которое считается вершиной творчества поэта и в котором воплощены его философские мысли и отношение ко многим сферам общественной жизни, насыщено «чужими» текстами. В создании данного религиозно-дидактического трактата автор использовал множество элементов из различных произведений мусульманских авторов, таких, как Дж. Руми, Имам Газали, Суфи Аллахияр и др. Исходя из общих черт между видами интертекстуальных связей, между прецедентным текстом и текстом-реципиентом, мы считаем, что в «Маджмаг аль-адабе» они осуществлены в форме цитаты, аллюзии, вольного перевода и переложения. Исследуемый нами в рамках данной статьи «коранический» интертекст представлен почти во всех вышеназванных формах.

Для начала обратимся к такой форме интертекста, как цитата. Российский литературовед И.П. Смирнов называет цитатой «любого вида переключку, соединяющую между собой литературные памятники, всякое реминисцентное содержание, извлекаемое нами из произведения» [9, с. 246–276]. По утверждению И.В. Фоменко, «цитатой, в широком смысле, можно считать любой элемент чужого текста, включенный в авторский (“свой”) текст» [14, с. 497]. В отличие от лексикологического значения цитаты в литературоведении нет категоричности в отношении точности воспроизведения иного текста. Главным условием остается признание читателем в процитированном элементе принадлежности иному тексту, т. е. узнаваемость цитаты. Это и является основной ее функцией. Вызывая у читателя некие ассоциации, воспоминания, аналогии, цитата непременно обогащает «принимающее» произведение, перекидывает «мост» к иному автору, культуре или произведению.

В «Маджмаг аль-адаб» наибольшее количество цитат приводится именно из Корана. Х. Салихов апеллирует к Корану как при объяснении своих мыслей, так и в качестве их подтверждения. Например, делясь с читателем своим видением гармоничной жизни в социуме, он приводит некоторые правила назидательного характера. Так, на основе нескольких аятов из суры «Худжурат» он выводит семь правил, необходимых для тех людей, которые взяли на себя «социальную ответственность» в деле «побуждения к добру и удержания от дурного». Скажем, нижеследующий аят сообщает о нежелательности насмешек и высокомерного отношения к отдельной группе людей. Салихов сначала предлагает читателю ознакомиться с конкретным аятом из Корана, а затем дает перевод и собственные назидания:

قوله تعالى – يَا أَيُّهَا الَّذِينَ آمَنُوا لَا يَسْخَرْ قَوْمٌ مِّن قَوْمٍ عَسَىٰ أَن يَكُونُوا خَيْرًا مِّنْهُمْ وَلَا نِسَاءٌ مِّن نِّسَاءٍ عَسَىٰ أَن يَكُنَّ خَيْرًا مِّنْهُنَّ وَلَا تَلْمِزُوا أَنفُسَكُمْ وَلَا تَنَابَزُوا بِالْأَلْقَابِ بِئْسَ الْأَسْمُ الْفُسُوقُ بَعْدَ الْإِيمَانِ وَمَن لَّمْ يَتُبْ فَأُولَٰئِكَ هُمُ الظَّالِمُونَ

(Слова Всевышнего: О вы, которые уверовали! Пусть одни люди не издеваются над другими – может быть, те лучше их. А также женщины – над другими женщинами – вероятно, те лучше их. Не унижайте друг друга и не обменивайтесь унижительными прозвищами. Скверно имя, означающее бесчестье, после того, как человек уверовал. А те, кто не уверовал, – нечестивцы.) [4, с. 426].

Икенче диңләгел, әй, мәрд мәэмин,
Кә “лә йәсхар” диде: “каум мин каум”,
Кә йәгъни булмаңызлар мәсхәрәче,
Бере береңне истихфәф идәче,
Бакыб заһиркә гайрене күрмәкел кәм,

Кә шәид Хак катында улыгай әкрәм,
 Диде “*лә тәлмизүү*”, һәм өчүнчү,
 Кә булмаң үз-үзүң гәйеб әйләйәче,
 Кил имде, яхшы аңла, мәрд азад,
 Үзүң диб, мөэминне Хак әйләде йад,
 Үз-үзүндән мөэминне сән айру белсән,
 Жәмәгать әһле сөннәтдин жидәсен,
 Дәхи дүргенчесен сән бел, яхшы аңлаб,
 Диде кем “*лә тәнәбәзү бил-әлкаб*”,
 Кә йәгъни һәр качан кем булса мөэмин,
 Ләкаб кылма фәсиклык берлә исмен,
 Йавуз хасләт ирүр мөэмин кешекә,
 Ләкаб исем атаб куймак ишенә,
 Әкәр итмәзләр тәүбә булардан
 Булурлар мәрд залим, аңла сирдән [8, с. 80]¹.

(Послушай второе (правило), о, муж правоверный,/ Не высмеивайте одни других,/ Не будьте пренебрегающими по отношению друг к другу./ Судя по внешним признакам, не унижайте других, / Возможно, перед Всевышним он возвышеннее. / И третье, сказано: не высмеивайте,/ То есть не будьте порицающим, оскорбляющим./ Приди, внемли, О, свободный человек./ Напомнил верующим Истинный, Если видишь верующего отличным от тебя,/ Тогда ты не относишься к людям Сунны и общины./ И знай четвертое (правило), поняв хорошо,/ Сказано: Не давайте прозвища / То есть, если являешься ты верущим,/ Не обзывай никого непригожими именами/ Скверное качество для правоверного,/ Если он дает прозвища товарищу своему./ Если же не покаяться в содеянном,/ То пойми, что будут они людьми притесняющими).

Из приведенного отрывка видим, что Х. Салихов прекрасно владеет кораническим материалом: он не только цитирует и переводит его, но и дает понятное толкование приведенной суре / аяту. Судя по его биографии, он получил начальное религиозное образование у отца, который являлся имамом в своей деревне [8, с. 149]. Затем его обучением занимался Давлетшах б. Гадельшах, видный суфийский наставник своего времени, который «ездил в Бухару и получил воспитание от шейха накшбандийского тариката Ниязкули ат-Тюркмани, получив иджазу, вернулся на родину и стал имамом и мударрисом» [7, с. 431–432]. Воспитанник такой личности, как Давлетшах б. Гадельшах, Х. Салихов в народе также был прозван «Хибатуллоу-ишаном» и занимался обучением шакирдов в медресе. Таким образом, поэт, имам, суфийский наставник Х. Салихов свою главную функцию в «Маджмаге» видел в «исправлении нравов», наставлении и просвещении народа.

Неоднократное переиздание, наличие многочисленных рукописных текстов свидетельствуют о популярности данного произведения и том, что население понимало, принимало и поддерживало мысли автора. К тому же очень важно, что Х. Салихов процитированные аяты переводит на родной язык, при этом умело сохраняя стилистику и размер стиха Корана, тем самым делая доступным коранический текст для простого татаро-башкирского читателя / слушателя.

Следующая форма представления коранического интертекста в «Маджмаг аль-адаб» – это аллюзия. В общем смысле аллюзия является отсылкой к символам, образам, сюжетам и ситуациям различного характера [11, с. 28]. Часто аллюзия отсылает к историческим, литературным, мифологическим, библейским и бытовым фактам. В отношении региональной литературы будет уместно дополнение к этому списку «коранического» факта. В нашем случае высказывание из текста Корана присутствует в

¹ Дальнейшее цитирование будет производиться по этому источнику лишь с указанием в скобках страницы.

сочинении Х. Салихова имплицитно, но вместе со всеми своими смыслами. В целом, близкое знакомство татаро-башкирского читателя с текстом и стилем Корана формирует прецедентные знания и предполагает узнавание его фрагментов в контексте иного произведения. Тем более, если они даны на языке оригинала. Например, рассмотрим нижеследующий пример аллюзии:

Нә рәсвайдүр худар Хакда хәлен
 Мүхалиф улса калбеңлә фәгәлен
 Телең *Иййәкә нәгъбуду* дидүкендә,
 Күңел арзусы эчмәк, йимәкдә.
 Ничәседүр фәдыйхәт бу мәкальнең,
 Үзүң фәһем ит, нийә варур малең [8, с. 48].

(Как позорно твое состояние в пребывании перед Господом,/ Если расходятся твое сердце с делами./ Когда твой язык говорит: «Тебе поклоняемся»./ Твоя душа стремится к еде и питью./ Сколько же пользы от этого высказывания./ Сам пойми, какой будет твой исход.)

Высказывание «*Иййәкә нәгъбуду*» является фрагментом из суры «Фатиха», которая читается в намазе (пятикратной молитве у мусульман) и переводится с арабского как «Тебе поклоняемся». В данной фразе автор обращает внимание читателя не столько на перевод слов, сколько на тот факт, что верующий должен читать молитву осознанно, быть устремленным ко Всевышнему, а не к мирской суете. Эта фраза знакома адресованной Х. Салиховым аудитории и легко узнаваема. Следовательно, она содержится в так называемой когнитивной базе, определяемой как «совокупность знаний и представлений, общих практически для всех членов лингво-культурного сообщества» [2, с. 98]. Автор приводит данные строки в связи с ранее упомянутым в тексте трактата тезисом:

Хакыйкатә ийрүшмәз, бел, гыйбадәт,
 Ике үжһейлә табмазса кәмаләт.
 Бере сүрат йөзүндән, бере – мәгънә,
 Куругъ заһирне түзмәк улды рәгънә,
 Жәүәрих кебидүр заһир шурууты,
 Ходуруң жән ийрүр, мәганәсе, күввәте
 Кә бий рух сүратыйлә сахибу рух.
 Арасында нә диклү фарк улур дух.
 Улурмы хәйй белә мәйит берабәр,
 Кә бий мәганә гамәл мәйиткә охшар [8, с. 47].

(Не будет действительным, знай, поклонение./ Если не будет совершенства в двух аспектах./ Одна сторона – внешняя видимость, вторая – смысл./ Легкомысленно совершать лишь внешнюю сторону. Внешняя сторона, словно часть целого./ Твое сознательное отношение (к поклонению) есть душа, смысл, сила./ Без души выглядящие как будто с душой./ какая же большая разница между ними./ Разве будут одинаковы живой и мертвый?/ А без осмысления дело подобно покойнику).

Кроме самого текста Корана в трактате «Маджмаг» используются сюжеты, имена пророков, различные эпизоды из него. Например, довольно часто Х. Салихов прибегает к рассказу о пророке Мусе (Моисее) и Фараоне. В частности, поволжским автором упоминается о повелении Господа обращаться к Фараону мягко, о поединке между чародеями Фараона и Мусы, об уроках наставника (Хыдра) Мусе и о других ситуациях, описанных в Коране.

В целом, обращение к поучительным рассказам (кыссам), связанным с пророками, и переложение их на свой лад – излюбленные дидактические занятия Х. Салихова. Продолжая тему необходимости осознанного совершения действий, независимости номинации от качества, поэт упоминает несколько исторических личностей. Мысль автора сводится к тому, что имена не имеют прямого воздействия на личность. Поэтому,

дав сыну имя пророка, как считает автор, отец еще не может быть уверенным, что тот будет обязательно благонравным. Приведем небольшой отрывок из трактата:

Улунмазсаң Хакың зикрийлә мунис
Сәңә сүд әйлийурмы нам Йунус
Тәдәрклә эшендә йук тәәсүф
Сәңә садик килүрме нам Йусуф
Харам илә мухбис булса затың
Нә фәхр ула Мүхәммәд ирсә атың
Үзең залим, фәгәлен улса кәр бәд
Тутийсерме әлеңне нам Әхмәд...
Ә йә Йәгкуб, гәмәлне әйләкел хуб [8, с. 49].

(Если ты не привык к упоминанию имени Господа,/ Разве поможет тебе имя Йунус?/ Если в твоих делах нет сожаления и печали,/ Будет ли истинным для тебя имя Йусуф?/ Если греховным запачканана твоя суть,/ Что достойного от того, что имя твое Мухаммад?/ Если ты сам притеснитель, а дела твои порочны,/ Удержит ли тебя за руку имя Ахмад?/ О, Якуб, совершай деяния должным образом).

Имея в виду, что среди народов Волго-Уральского региона особой популярностью пользовались «истории пророков», особенно «Кысса-и-Йусуф» Кул Гали и «Кыссас аль-анбия» Рабгузи, следует предполагать, что читатель «Маджмага» не только представлял, о ком идет речь, но и знал особенности каждого из пророков, отмеченных в трактате. Упомянутые в «Маджмаг аль-адабе» имена пророков (Йунус, Якуб, Йусуф, Мухаммад) были на слуху и хорошо знакомы аудитории. Опираясь именами, заслугами, жизненными историями таких личностей, Х. Салихов добивается большего дидактического эффекта.

В данном случае имена являются аллюзивным маркером, который «выступает в качестве знака ситуационной модели, с которой посредством ассоциаций соотносится текст, содержащий аллюзию» [13, с. 42]. Более того, упомянутые имена пророков известны как в коранической, так и в библейской традиции. Таким образом, называя одно только имя какого-либо пророка, Х. Салихов вызывает у читателя определенные аналогии, ассоциации, воспоминания. За аллюзивным именем стоят целая история, образ, традиция. Поэтому использование поэтом такого рода аллюзивного интертекста оказалось довольно удачным и уместным.

Заключение

Значение интертекстуальности в целом и коранического в частности очень велико в средневековой восточной литературе. Обращение авторов к Корану как к стержневому тексту объясняется также их стремлением обогатить идейную тематику собственного сочинения за счет аналогий, сходств с адресатом. Кроме того, для литераторов апелляция к ключевым культурологическим текстам носит аргументационную функцию. С другой стороны, для читателя, в чьих глазах коранический текст является нерушимым авторитетом (а именно на такую аудиторию рассчитано произведение «Маджмаг аль-адаб»), наличие отсылок к нему, различных связей с ним выступают гарантом качества, правдивости сочинения и компетентности, адекватности автора.

Перечисленные функции интертекстуальности присутствуют и в анализируемом нами трактате. Несмотря на то, что в «Маджмаг аль-адабе» есть множество интертекстов и отсылок к другим произведениям, Х. Салихов наиболее часто обращается к тексту Корана. За счет этого постоянная связь со Священным писанием не прерывается на протяжении всего трактата. Примечательно также, что автор предлагает пути разрешения актуальных, философских, социальных проблем, прибегая к принципам Корана. В этом проявляется своеобразие не только социальной мысли автора, но и художественной и богословской.

Литература

1. Арабская поэзия Средних веков / пер. с араб.; сост., авт. послесл. И. Фильштинский. – М.: Художественная литература, 1975.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
3. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. – М.: Научный мир, 1982.
4. Коран / пер. Шарипова У.З., Шариповой Р.М. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012.
5. Миннегулов Х.Ю. Восточная классика и татарская литература: учебное пособие для студентов КФУ. – Казань: Яз, 2014.
6. Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
7. Рамзи М.М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. – Оренбург: Тип. Каримова и Хусаинова, 1908. – Т. 2.
8. Салихов Х. Мәжмәгъ әл-әдәб. – Казан, 1900.
9. Смирнов И.П. Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX в. // Блоковский сборник IV. – Тарту, 1981.
10. Татар әдәбияты тарихы: Алты томда: 2 том: XIX йөз татар әдәбияты. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985.
11. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. – 1998. – Т. 57, № 5.
12. Федорова Т. Изучение художественных произведений с религиозной составляющей. Режим доступа: <http://ipk.68edu.ru/consult/gsed/752-25-05-2011.html>.
13. Христенко И.С. К истории термина «аллюзия» // Вестник Моск. ун-та. – Серия 9. Филология. – 1992. – Вып. 6.
14. Чернец Л.В. (ред.) Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 2004.

References

1. *Arabskaja poezija Srednih vekov. [Arabic poetry of the Middle Ages] Per. s arab. / sost., avt. poslesl. I. Fil'shtinskij. Moscow. Hudozhestvennaja literatura, 1975. (In Russian)*
2. *Gudkov D. B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii. [Theory and practice of cross-cultural communication] Moscow. ITDGGK «Gnozis», 2003. (In Russian)*
3. *Zhenett Zh. Palimpsesty: literatura vo vtoroj stepeni. [Palimpsestes: literature in the second degree] Moscow. Nauch.mir, 1982. (In Russian)*
4. *Koran. [The Qur'an] Perevod na russkij jazyk Sharipova U.Z., Sharipovoj R.M. Moscow. Institut Vostokovedenija RAN, 2012 (In Russian)*
5. *Minnegulov H.Ju. Vostochnaja klassika i tatarskaja literatura. Uchebnoe posobie dlja studentov KFU. [Oriental classics and Tatar literature. Textbook for students of KFU] Kazan'. Izd.-vo «Jaz», 2014. (In Russian)*
6. *Pege-Gro Natali. Vvedenie v teoriju intertekstual'nosti. [Introduction to the theory intertextuality] Per. s fr. / obshh. red. i vstup. st. GK. Kosikova. Moscow. Izd-vo LKI, 2008 (In Russian)*
7. *Ramzi M.M. Talfik al-ahbar va talkih al-asar fi vakai' Kazan va Bulgar va muluk at-tatar. [Talfik al-Akhbar wa al-Asar Talco fi Vaca 'Kasane wa wa muluk at Bulgar-Tatar] Orenburg. Tip. Karimova i Husainova, 1908. Vol. .2 . (In Russian)*
8. *Salihov H. Mәҗмәгъ әл-әдәб. Kazan, 1900. (In Tatar)*
9. *Smirnov I.P. Citirovanie kak istorikoliterurnaja problema: principy usvoenija drevnerusskogo teksta pojeticheskimi shkolami konca XIX -nachala XX v. [Citing as an historical and literary problem: the principles of adopting the Old Russian text by the poetic schools of the late 19th - early 20th century] Blokovskij sbornik [Blok collection] Vol. IV. Tartu, 1981 (In Russian)*

10. Tatar ədəbiyatı tarixi: Alty tomda: 2 tom: XIX jöz tatar ədəbiyatı. -Kazan: Tat. kit. njeshr., 1985. P. 149 (In Tatar)
11. Fateeva N. A. Tipologija intertekstual'nyh jelementov i svjazej v hudozhestvennoj rechi [Typology of intertextual elements and connections in artistic speech] *Izvestija Rossijskoj Akademii nauk. Serija literatury i jazyka.* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. The literature and language series] Moscow. Nauka, 1998. Vol. 57, no. 5. (In Russian)
12. Fedorova T. *Izuchenie hudozhestvennyh proizvedenij s religioznoj sostavljajushhej.* [The study of fiction with a religious component] URL: <http://ipk.68edu.ru/consult/gsed/752-25-05-2011.html> (In Russian)
13. Hristenko I.S. K istorii termina «alljuzija» [On the origins of the term "allusion"] *Vestnik Mosk. un-ta. Serija 9. Filologija.* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology.]1992. Vol. 6. (In Russian)
14. Chernec L.V. (red.) *Vvedenie v literaturovedenie.* [Introduction to literature studies] Moscow. Vysshaja shkola, 2004. P. 497. (In Russian)